

Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова... Рукопись XVIII века

Собрание сочинений в девяти томах

М., "Художественная литература", 1979

Том четвертый. Статьи, рецензии и заметки. Март 1841 - март 1842

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnl@lib.ru

ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНИЯ ПЕТРА СТЕПАНОВА СЫНА СТОЛБИКОВА, помещика в трех наместничествах. Рукопись XVIII века. Издание конторы привилегированной типографии Фишера. В Санкт-Петербурге. 1841. В 8-ю д. л. В трех частях. В 1-й части 184, во II-й - 195, в III-ей - 202 стр. (Цена 2 р. 50 к. сер.).

Не понимаем, что за охота такому почтенному и талантливому писателю, как г. Основьяненко, тратить время и труд на изображение глупцов, подобных Столбикову. Петр Столбиков сам, от своего лица, рассказывает историю своей жизни, и в этом рассказе не всегда бывает верен собственному характеру: из пошлого глупца, идиота, иногда вдруг становится он умным и чувствительным человеком, а потом опять делается глупцом. В поступках он также противоречит самому себе: то умно управляет именьями помещиков, то, сделавшись предводителем дворянства, подает губернатору проект о истреблении саранчи таким образом: пусть она ест хлеб, а мужики должны в это время оборвать у ней крылья, - или что-то в этом роде...

Ничем другим не можем мы объяснить этого странного направления такого замечательного дарования, каким владеет г. Основьяненко, как словом "провинция"... Можем ошибаться, но, пока не докажут нам противного, остаемся при своем убеждении; - мы вот что думаем: в провинции (разумеется, нет правил без исключения) - свое понятие о литературе, свой взгляд на изящное: идеал высокого и патетического заключается там в повестях Марлинского; идеал комического - в "Энеиде, вывороченной наизнанку" {1}. Одно стоит другого!.. Нет, господа! комическое и смешное - не всегда одно и то же; а смешное для толпы иногда совсем не смешно для образованного класса общества... Элементы комического скрываются в действительности так, как она есть, а не в карикатурах, не в преувеличениях. Вообще, такие провинциалы не худо сделали бы, если б подражали столичным жителям не в одних модах, но и в литературе; а для этого сперва должно присматриваться и изучать внимательно, что считается в столице смешным и острым и что плоским. Вот, например, какую бы великую пользу могло принести иному провинциальному "юмористу" внимательное чтение "Аптекариши" гр. Соллогуба, и особенно пристальное изучение лица "уездного франта в венгерке" {2}. Этот фронт именно потому и смешон, что он - верное изображение действительного явления, а не карикатурное. Провинциальный автор, для вящего удовольствия своей уездной публики, сделал бы этого франта и пьяницей, и вором, и пошехонцем, так что соседи сочинителя "надорвали бы животики". Но в повести, на которую мы ссылаемся, фронт есть то, чем он есть в действительности, и потому он смешон, а не отвратителен. Встретясь с таким господином в жизни, вы не могли бы смотреть на него без досады и презрения, но в повести он очень мил. Вот в каком смысле природа должна являться в искусстве умытою и очищенною...

В провинции есть общие предметы для смешного и общие места для его выражения: это обыкновенно такие вещи, над которыми смеяться в столице давно уже почитается смешным: французский язык, французские моды, иностранцы-гувернеры. Столбиков г. Основьяненка не потому, видите, дурак, что родился дураком, не потому не мог добиться отличать в картах масть от масти, что у него были грубые нервы и мало мозгу; даже не потому, что мошенник-опекун с умыслом дурно воспитывал его; а потому, что оный Столбиков провел несколько лет в пансионе у француза Филу... По понятию г. Основьяненка, все иностранцы - злодеи и мерзавцы; от них все зло на свете - и холод зимою, и жар летом, и ревматизм в старости, и незнание грамоты в детстве... Все иностранцы, выведенные в его повести, ссылаются в Сибирь, а иностранки делаются развратницами... Старая песня! Теперь всякому известно, что много вреда для общества от разных выходцев, но что между ими бывали и достойные люди, сделавшие много добра. Да и кого должно винить во зле: французского ли маркера, который выдал себя за профессора, или русского помещика, который мог принять его за профессора?.. Вина была с обеих сторон, - и, право, нет никакой нужды обновлять таких старых вопросов, к которым